

Я бы хотел родиться в России в ... году

эссе

Тематика настоящего сочинения сама по себе соблазняет уйти в гипотетическую плоскость размышлений об идеальном для России отрезке времени. Тем более, авторы, согласно условиям, не ограничены в возможности выбирать любой участок временной прямой, будь то прошлое, настоящее или будущее. Однако столь мимолётное настоящее оценивать объективно достаточно непросто. С другой стороны, безумно любопытно было бы заглянуть в будущее, но его мы в силах творить собственными руками. Посему представляется целесообразным остановиться на одном из уже прошедших периодов в истории страны.

Конечно, при наличии машины времени не могло бы не восхитить путешествие в иные эпохи, от обросшей легендами дохристианской Руси до куртуазных времён дворцовых переворотов. И всё же, если останавливаться на конкретном отрезке времени, в который довелось бы родиться на территории России, я бы условно назвал 1950 г.

Возможно, такой выбор связан с аберрацией близости (термин, которым обозначают феномен придания большего значения событиям, происходившим по историческим меркам сравнительно недавно). Слишком романтизированы давние времена, которые даже умудрённые опытом историки не в силах изучить досконально. Мало кто задумывается о тяжёлых бытовых условиях и вызовах Природы (а не только супостатов из-за бугра), с которыми приходилось сражаться нашим предкам веками. В то же время, период отечественной истории, который знаешь и любишь не только по учебникам, фильмам или художественной/публицистической литературе, но и благодаря рассказам близких, оказывается в чём-то особенным для человека лично.

Родившихся в середине XX в. современная западная молодёжь называет поколением «бумеров» (от англ. baby boom), вкладывая в это слово несколько снисходительный оттенок. Не всегда просто нынешним представителям «золотого возраста» совладать с новшествами прогресса, с которыми на «ты» их внуки. Но если вернуться в 1950-е гг., совсем недавно пережитые ужасы Второй мировой слишком сильно отразились на восприятии окружающей действительности. За адом боевых будней

последовал послевоенный подъём едва ли не во всех сферах жизни. Разумеется, не следует идеализировать краткий эпизод советской истории, именуемый «апогеем культа личности», но не стоит и отрицать, что общественное восприятие реальности после долгожданной Победы было наполнено ожиданием новых свершений уже в мирном строительстве.

Выросшим в 1950-е и 1960-е гг. довелось стать свидетелями бурного технологического скачка в глобальном масштабе, в котором принимал непосредственное участие сам СССР. Огромный импульс был придан развитию самых разнообразных областей науки и техники, на передовицах регулярно появлялись новости о достижениях мирового значения. Были запущены реакторы первой атомной электростанции в мире, Обнинской АЭС (1954 г.) В середине десятилетия начал строиться первый в мире космодром, а в 1957 г. был выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли. Что уж говорить о венце того ударного периода, первом пилотируемом полёте в космическое пространство с последовавшим беспрецедентным выходом моего земляка А.А. Леонова в открытый космос?!

Была у научно-технического прогресса и обратная сторона, каким-то чудом не приведшая к тотальному милитаризму. Разгоралась, как ни парадоксально, «холодная война». Противостояние двух сверхдержав, блоков, взглядов на жизнь, опасное, но в чём-то стабильное и предсказуемое. Не зря в 1990 г. один из крупнейших мыслителей американского реализма Дж. Миршаймер выпустил статью под названием «Why We Will Soon Miss The Cold War». Но факт остаётся фактом: в 1961 г. была именно в СССР испытана знаменитая «Царь-бомба», до сих пор — к счастью — непревзойдённая по мощности заряда. Через год мир содрогнётся от Карибского кризиса: никогда ещё в этой половине столетия мир не был так близок к очередной мировой войне. Совершенствовались средства доставки ядерного оружия и обычные вооружения.

Впрочем, геополитическая турбулентность не слишком меняла обыденное течение повседневной жизни. В государстве действовали социальные лифты, благодаря распределению можно было быть уверенным в том, что не останешься после вуза без рабочего места. В стране, объединённой на обширных просторах после Ялтинско-Потсдамских соглашений, не просто сосуществовали, но мирно жили армяне и азербайджанцы, украинцы и русские, осетины и ингуши. Из них были составлены сборные команды СССР, которые выигрывали первый в

истории футбольный чемпионат Европы, успешно соревновались за лидерство на Зимних и Летних Олимпийских играх. Ныне широко рекламируемый концепт разнообразия, «diversity», был прекрасно проиллюстрирован проведением в Москве Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957 г. В стране начался расцвет кинематографа: советские режиссёры «забирали» награды на престижнейших мероприятиях, кинокартины тех лет по сей день являются примером высокого художественного вкуса. «Нобелевка» Шолохова или Золотая пальмовая ветвь Калатозова говорят о признании достижений отечественной культуры за рубежом.

Безусловно, жизнь во второй половине XX века в советской России не была бы лишена своих сложностей. Если говорить о зарубежных путешествиях, к которым мы привыкли в XXI в., круг потенциальных стран для поездки был бы ограничен в лучшем случае парой десятков. Хотя были и категории людей с бóльшим доступом за рубеж (спортсмены или дипломаты). Цензура, с одной стороны, обеспечивавшая качество художественных произведений, несомненно, мешала свободному развитию общественной мысли, а отсутствие самого принципа конкуренции зачастую лишало стимулов к саморазвитию. Бюрократизм во многих сферах, излишняя иерархичность, необходимость выполнения плановых показателей вместо реальной работы, прочие оковы условностей и идеологическая мимикрия, высмеянные в бессмертных анекдотах того времени, душили не только творческих, неординарно мыслящих, но и обыкновенных людей.

Есть мнение, что «хорошие времена порождают слабых людей», и именно на выросших в 1960-е–1970-е гг. лежит ответственность за распад Советского Союза. Тем сложнее представителям этого поколения было сориентироваться в стремительно меняющейся обстановке начала 1990-х гг., где на первый план вышли адаптивность (иногда не в лучшем смысле этого слова: не зря в русском языке есть пренебрежительно окрашенное «приспособленчество»). Многим так и не удалось обрести себя в новой реальности «шоковой терапии» и рыночных реформ в силу относительной пассивности менталитета и неумении брать инициативу на себя.

В заключение допущу, что моё мировоззрение, как человека, воспитанного родителями поколения 1950-х гг., формировалось в окружении определённого культурного кода. Может быть, чрезмерно сильны ещё в общественном восприятии фантомные боли по

сверхдержаве, якобы занимавшей «одну шестую часть суши» земного шара. Не исключено, что я транслирую в том числе плоды мифотворчества эпохи пресловутой «колбасы за два двадцать», но свидетельства очевидцев тех времён оказались настолько красноречивыми, что прочно вписались в моё сознание и оттуда их не вытравить ничем.